

Глава первая

Некоторым мужчинам с колыбели предназначено судьбой исполнять долг перед семьей и обществом. На плечи других бремя долга ложится уже в зрелом возрасте. Николас Реднор, герцог Холлинбург, причислял себя к последней категории. Дядя Фредерик, от которого он унаследовал титул, был достаточно молод, чтобы жениться во второй раз и успеть завести потомство до своей кончины. То, что он своевременно не озаботился наследником, было, по мнению Николаса, в высшей степени неосмотрительно.

Год назад Николас не стал бы судить его столь сурово, но титул герцога меняет человека, открывая перед ним новые перспективы. Произошедшие с ним за последние месяцы перемены были довольно значительными. Он больше не оплакивал беззаботные дни своего прошлого, как это было сначала, и не относился с сомнением к унаследованному титулу. Всего несколько месяцев назад жизненный путь представлялся Николасу смутным, неясным, однако теперь он сиял перед ним во всей красе, исчерченный новыми веками.

Об одной из них Николас и размышлял как-то погожим апрельским утром, просматривая свежую почту. Он приберег лежащие сейчас перед ним два письма до окончания завтрака, потому что их содержание могло помешать пищеварению. Оба послания были написаны изящными женскими почерками. В них его родственницы давали Николасу советы, как найти достойную супругу, и перечисляли подходящих, на их взгляд, невест.

Николас никогда не объявлял во всеуслышание, что ищет жену, но герцогу в его возрасте необходимо было жениться. Это входило в список обязанностей представителей аристократического сословия, и после долгих ностальгических воспоминаний о годах, проведенных в легкомысленных забавах и плотских утехах, Николас твердо решил заняться поисками невесты в предстоящем светском сезоне. Он пробежал глазами одно из писем, в котором описывалась сдержанная и скромная молодая леди. Не так давно эти эпитеты заставили бы Николаса бежать на край света от подобной девушки, но теперь чувство долга не позволяло ему расслабляться. Оба качества как нельзя лучше подходили будущей герцогине и были достойны восхищения, даже если грозили ее супругу смертельной скукой.

Николас задавался вопросом, означает ли скромность девушки в одежде и поведении на людях, что она точно так же скромно ведет себя в постели.

— Ваша светлость, я подготовил счета.

Николас поднял глаза и увидел мистера Уитерса, своего управляющего. Тот стоял у двери с большой стопкой бумаг в руках. Эта кипа расстроила Николаса даже больше, чем мысль о скромнице-жене в постели. Но чувство долга обязывало его заняться документами.

— Возвращайтесь через час, и мы с вами оценим масштабы бедствия.

Уитерс попытался ободряюще улыбнуться.

— Все не так плохо, как мы думали, сэр. Однако с текстильной фабрики пока еще не дали полного отчета.

Не так плохо, но все равно плохо... А эта проклятая фабрика вымотала герцогу все нервы.

— Через час, Уитерс.

Управляющий, пятясь, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Но не успел Николас снова погрузиться в свои мысли, как та опять распахнулась и в комнату ворвался его кузен Чейз.

— Ты меня вызывал?

Голубые глаза Чейза приобрели стальной оттенок, как это случалось, когда он был раздражен.

— Я просил тебя зайти, когда у тебя будет время.

— Зайти просят бароны. А герцоги вызывают.

— Что за чушь!

— Ну хорошо. Раз срочности нет, я вернусь, когда мне будет удобно.

Чейз повернулся, чтобы уйти.

— Ну, раз уж ты здесь...

— Я здесь, потому что ты меня вызвал.

— Называй как хочешь. Главное, ты пришел, и мне действительно нужно кое-что обсудить с тобой.

— Твою будущую женитьбу?

— О, ради всего святого...

— Тетушки только об этом и судачили. Сидели в своей театральной ложе...

— В моей театральной ложе, — поправил кузена Николас.

— ...и все представление говорили о твоей женитьбе, присматривались к девушкам, сплетничали о них, делали разные предположения. Я велел им остановиться, но они заявили, что ты просил у них совета.

— Ничего я не просил.

— Значит, должно быть, стал более терпеливо относиться к их вмешательству в свою личную жизнь, они заметили это и решили, что теперь могут давать тебе советы.

А вот это было чертовски недалеко от истины.

— Тетушки очень чуткие особы. Они слышат то, чего мы с тобой не слышим.

Чейз вздохнул.

— Пожалуйста, не проси меня наводить справки о девушках. У меня есть свои принципы.

Чейз был самым близким его кузеном, и именно к нему Николас обратился бы за советом, выбирая себе невесту. Кроме того, он сделал сбор информации о людях своей профессией.

— Я и не собирался просить тебя об этом сейчас. Хотя идея неплохая. Я хотел поговорить с тобой о смерти дяди,

Чейз. Мне кажется, пришло время снова обратиться к этому вопросу.

Выражение лица Чейза стало серьезным.

— Ты уверен, что хочешь знать правду? Подумай хорошенько, прежде чем ответить. Если все было так, как мы подозреваем, то преступник, вероятно, один из нас. Не Кевин, но кто-то близкий.

— Я долго размышлял об этом. Ты прекратил свое расследование, когда оно было в самом разгаре... Думаю, тебе следует смахнуть пыль с документов и снова взяться за него. Если убийца находится среди нас, я хочу знать его имя.

— Допустим, ты узнаешь его имя, и что дальше?

Николас выпрямился.

— Я решу, что с ним делать.

— Негоже отправлять члена герцогской семьи на виселицу, а, кузен?

В этом с самого начала и заключалась проблема. Казалось бы, правосудию не пристало обращать внимание на наличие древней родословной, но это было не так. Даже если бы присяжные признали одного из родственников Николаса виновным в убийстве, судья сделал бы все, чтобы тот избежал казни через повешение. Присяжные тоже преклонялись перед герцогским титулом и не стали бы выносить обвинительный вердикт.

— Я не говорю сейчас о наказании, мне просто нужно знать, кто убил нашего дядю, — сказал Николаc. — А тебе разве это безразлично?

Чейз поколебался, прежде чем ответить.

— Конечно, нет. Возможно, убийцей был не наш родственник, а кто-то из деловых партнеров дяди, если его вообще убили...

Чейз дипломатично оставил вопрос открытым, хотя раньше заявлял, что дядя не мог сам упасть с крыши. Четырнадцать месяцев назад, когда все это случилось, официальной версией кончины был несчастный случай. Некоторые сплетники распускали слухи, что дядя покончил с собой. Но Николаc был уверен, что его столкнули.

Чейз бочком подошел к столу. Его взгляд упал на письма, и он с озорным видом улыбнулся, а потом взял в руки газету.

— Знакомишься с политическими требованиями радикалов?

— Я читаю много газет. Дядя Фредерик подписывался на разные издания, я продлил подписку на них.

— Неужели ты правда все это читаешь? — удивился Чейз.

— Мне нужно знать, чего требуют и о чем думают разные слои общества, даже если я не согласен с их устремлениями. Именно так следует поступать ответственным членам парламента.

Чейз сочувственно улыбнулся.

— Никто не ожидает, что ты превратишься в него.

— Уж надеюсь, что нет. Мне не хватает эксцентричности.

— Я говорил не про дядю Фредерика.

Нет, Чейз имел в виду не дядю, а отца Николаса, который должен был унаследовать титул герцога. По крайней мере, он готовился к этому, пока Николаc беззаботно наслаждался жизнью в большом городе. Он вдруг вспомнил последнюю встречу с отцом. В его памяти постоянно возникала именно она, и Николасу было больно от этих воспоминаний.

Он постарался перевести разговор на другую тему:

— Ты упомянул деловых партнеров дяди. Я как раз хотел поручить тебе сбор сведений о некоторых из них — о тех, с которыми я продолжаю сотрудничать. Мне кажется, они...

Николаc уже собирался высказать свои подозрения, когда дверь открылась и в кабинет вошел дворецкий Пауэлл, держа в руках серебряный поднос, на котором лежала визитная карточка. По взволнованному выражению лица дворецкого можно было бы заключить, что к Николасу в гости пожаловал сам король.

— Я подумал, ваша светлость, что вы захотите принять эту посетительницу, — сказал он.

Николас взял визитную карточку с подноса и прочитал начертанное на ней имя. Визит короля удивил бы его, пожалуй, меньше, чем появление в доме этой гостьи. Он растерянно посмотрел на Чейза:

— Она здесь. У меня в доме...

— Перестань бормотать. О ком идет речь?

Николас протянул карточку. На лице Чейза отразилось изумление.

— Айрис Баррингтон, будь я проклят...

— Мы искали ее больше года, и вот она сама явилась к нам...

— Она, должно быть, услышала о завещании и своем праве на наследство. Чему же здесь удивляться?

— Спустя год? Нам удалось разыскать двух других женщин, которых дядя тоже упомянул в завещании. Но то, что эта дама вот так явилась вдруг сама, выглядит подозрительно.

— Слишком все просто, ты хочешь сказать.

— Черт возьми, да, слишком просто.

Николас поправил галстук и одернул жилет.

— Ты выглядишь как настоящий герцог, — успокоил его Чейз. — Этот накрахмаленный воротничок такой жесткий, что им, наверное, можно резать железо. Расскажешь потом, что она говорила. — Он направился к двери и бросил через плечо дворецкому: — Я хочу немного понаблюдать за гостьей украдкой. Поэтому не сразу спускайтесь за ней.

Пауэлл застыл с подносом в руках. Через минуту после ухода Чейза он посмотрел на Николаса, ожидая разрешения уйти. Еще через минуту Николаас кивнул.

Айрис не особенно ожидала, что герцог ее примет, но попытаться все же решила. Если она потерпит неудачу сегодня, то будет добиваться аудиенции у него обходными путями. Для этого потребуются много времени и немало ухищрений, поэтому следовало начать с прямого подхода.

То, что ее провели в гостиную, обнадеживало. Если повезет, герцог, по крайней мере, будет заинтригован. Если он библиофил, как его дед, визитная карточка Айрис, возмож-

но, возбудит его любопытство. Она заказала карточки с узором из маленьких книжек, чтобы люди сразу же понимали, с кем имеют дело.

Айрис, в сущности, пришла сюда из-за книг. Нет, она не собиралась продавать их, хотя было бы неплохо, если бы герцог купил у нее что-нибудь. В конце концов, она занималась продажей печатных изданий, тем самым зарабатывая себе на хлеб, дорожные расходы и все остальное. Однако ее сегодняшний визит в этот огромный особняк не был связан с торговлей. Причина ее появления здесь была гораздо важнее.

Вопрос заключался в том, найдет ли она в нынешнем герцоге почти нормального человека, каким был его предшественник, или он окажется лживым негодяем, как его дед? Вероятность второго варианта заставила Айрис расправить плечи и собраться с духом.

Дверь гостиной приоткрылась, и она обернулась, ожидая увидеть дворецкого. Однако перед нею оказался симпатичный темноволосый джентльмен с голубыми глазами. Он просунул голову в гостиную, обвел ее взглядом и уставился на гостью. Некоторое время незнакомец внимательно разглядывал Айрис.

Вряд ли это был герцог. Герцоги не приветствуют гостей подобным образом. Значит, кто-то другой проявлял интерес к посетителям его светлости. Айрис решила, что это, должно быть, секретарь.

Неожиданно незнакомец извинился за вторжение, его голова исчезла, и дверь закрылась.

Все это показалось Айрис очень странным.

Через пару минут в гостиную вошел дворецкий и предложил гостье следовать за ним. Когда она заметила, что они удаляются от ведущей вниз лестницы, то поняла, что аудиенция состоится. Ее волнение нарастало с каждым шагом.

Дворецкий провел Айрис в просторный кабинет, оформленный в китайском стиле. Здесь стояли большие вазы и массивная резная мебель. Только письменный стол оказался ей обычным для герцога. На широкой поверхности

столешницы поместилось бы множество бумаг и книг. Но сейчас стол не был загроможден, На самом деле он почти пустовал. Айрис увидела чернильницу, ручку, газету, два письма и странную маленькую плетеную коробочку. Казалось, этот стол принадлежит человеку, который либо только что переехал в дом, либо отличался столь удивительной аккуратностью, что не позволял ни одной личной вещице нарушить идеальную чистоту и порядок.

Куда более интересным, чем стол, показался ей стоявший у стола джентльмен. Она поняла, что человек, заглядывавший в гостиную, был его родственником. Эти двое походили и друг на друга, и на погибшего год назад герцога. Хозяин кабинета был темноволос и темноглаз: этот красивый мужчина с правильными чертами лица и спокойной, уверенной манерой держаться наверняка нравился женщинам. Его безупречно сидевший темный костюм, галстук и ослепительно-белый воротничок прямо светились уважением и навевали на Айрис скуку.

Герцог шагнул навстречу гостье. Он был на голову выше ее и поздоровался с ней довольно церемонно. Впрочем, чего еще можно было ожидать от важной персоны, согласившейся принять совершенно незнакомого человека?

Айрис поняла, что у нее есть не больше трех минут, чтобы привлечь его внимание, прежде чем он вежливо вышвырнет ее за дверь. Сделав реверанс, она выпрямилась и посмотрела герцогу прямо в глаза:

— Меня зовут Айрис Баррингтон, и я пришла просить... нет, требовать, чтобы вы выполнили обещание, которое дал мне ваш дядя.

На ее слова сначала не последовало никакой реакции. Казалось, герцог глубоко задумался. Он чем-то напоминал графа д'Илио, друга Айрис, чья сдержанность порой интриговала ее, а порой казалась раздражающей и скучной. Все зависело от настроения самой Айрис. Она вообще часто привлекала подобных мужчин. Им нравилось, что ей самой не хватает сдержанности, и благодаря ее импульсивности их собственная жизнь казалась им ярче.

Впрочем, первое впечатление могло быть обманчивым. Скорее всего, этот человек в обычной ситуации не вел себя так сдержанно. Возможно, он старался соответствовать своему высокому статусу, но мужчина в нем был сильнее бесстрастного аристократа. Об этом свидетельствовали искорки в его глазах. Герцог смотрел на нее оценивающе, но то, что видел мужчина, ему явно нравилось.

Решив сменить тактику, Айрис одарила хозяина дома ослепительной улыбкой и подошла поближе, чтобы он уловил аромат ее дорогих духов.

— Простите меня за прямоту. Я не хочу показаться невежливой, но меня заставляет действовать то положение, в котором я оказалась. Благодарю вас за то, что вы вообще приняли меня. Это очень любезно с вашей стороны.

— Вы могли бы сначала написать мне.

— Я подумала, что мое письмо не дойдет до вас, застряв где-нибудь в ящике стола вашего секретаря. У меня ведь нет рекомендаций, нет влиятельных родственников. Я не обычный проситель.

Улыбка тронула губы герцога. Он указал гостье на диван, рядом с которым стоял стул.

— Прошу вас, садитесь. Я хочу, чтобы вы объяснили мне, какое именно обещание дал вам мой дядя, как вы утверждаете.

Айрис села на диванчик, оставив герцогу достаточно места рядом с собой. Но он не стал садиться. Ее женская уловка не увенчалась успехом.

— К вам, наверное, ходят толпы просителей, которым, по их словам, покойный герцог что-то обещал, — сказала она.

— Не скрою, их довольно много.

— И все они оказываются лжецами?

Герцог улыбнулся, и у Айрис затрепетало сердце. Такая очаровательная улыбка могла бы согреть любую женскую душу.

— Довольно многие, — ответил он.

— Но я не лгу. Я встречалась с вашим дядей незадолго до его внезапной кончины. Он пообещал найти одну рукописную книгу, которая, как я полагала, принадлежала ему. Это

шедевр начала пятнадцатого века. Псалтырь с великолепными иллюстрациями. Я слышала, что она была куплена отцом вашего дяди, то есть вашим дедом, и хотела узнать, хранится ли эта книга все еще в герцогской библиотеке.

В глазах собеседника Айрис появилось выражение любопытства, смешанное с мужским восхищением.

— Но почему вас волнует, хранится ли Псалтырь в нашей библиотеке?

— У меня есть на нее покупатель. Книга стоит небольшого состояния. Видите ли, я торгую редкими книгами и рукописями. В подобных сделках я выступаю в качестве посредницы.

Вообще-то дело было совсем в другом. Но Айрис не хотела объяснять истинную причину, которая заставила ее искать этот редкий манускрипт, ведь тогда он ни за что не помог бы ей.

— А дядя говорил вам, что библиотека его отца была разделена между его сыновьями? Каждый получил только часть.

— Да, говорил. Он обещал выяснить, кто из сыновей получил в наследство Псалтырь. Я не знала о его смерти... Очень долго от него не было ничего слышно, и я не представляла, что и думать. Я терялась в догадках. Возможно, он не нашел манускрипт, или передумал сообщать мне о нем, или его письма не дошли до меня... А потом решила, что у него просто нет времени заниматься какой-то книгой.

Любопытство герцога усилилось. Даже слишком.

— А когда вы встречались с ним и говорили о Псалтыри?

— В феврале или в начале марта. Я не могу вспомнить точную дату.

— Это было здесь, в Лондоне?

— Нет, ваш дядюшка написал мне и пригласил приехать в Мелтон-парк, в его поместье в Суссексе.

Герцог снова глубоко задумался. Подойдя к одному из окон, он выглянул на улицу, а потом оглянулся через плечо и окинул гостью внимательным взглядом — от шляпки до туфель.

— Это единственная причина, по которой вы явились сюда, мисс Баррингтон? Или, может быть, есть еще что-нибудь, что вы хотели бы обсудить со мной?

Наблюдавшая за его высокой, стройной фигурой, Айрис растерялась от неожиданности и попыталась взять себя в руки, прогнав непристойные мысли.

— Нет, больше ничего, — пролепетала она, чувствуя, что ее ответ звучит глупо.

Он снова выглянул в окно.

— Вокруг дома есть большой сад. Сегодня выдался погожий денек. Не хотели бы вы прогуляться со мной? Кроме старых книг, я хотел бы поговорить с вами кое о чем еще.

Айрис не могла отказаться от прогулки с герцогом, раз уж он согласился ее принять. Но пока они спускались в сад, ей в голову пришла неожиданная мысль. Айрис показалось, что этот решительный человек может сейчас сделать ей предложение, которое не имеет никакого отношения к старым книгам.

— Где вы живете? — спросил Николас после того, как они прошли футов пятнадцать по садовой дорожке.

Он старался говорить ровным, спокойным тоном, не выдавая излишнего любопытства, но подозревал, что получилось больше похоже на допрос. Резкость его тона во многом была связана с тем, что он заставлял себя сосредоточиться на предстоящем разговоре, а не на эротических фантазиях, которые пробудила в нем эта незнакомка, едва ступив в кабинет. Она очаровала его с первого взгляда. Давно уже Николас так сильно и страстно не желал женщину, не испытывал такого немедленного, неистового влечения. Ему пришлось приложить все усилия, чтобы не показаться ей самым мерзким развратником во всем Лондоне.

— Я провожу большую часть времени на континенте. Я воспитывалась там и знаю, что лучшие библиотеки можно найти в замках и особняках старой Европы. Что касается дома, то у меня есть семейное гнездо во Флоренции. Однако я много путешествую.